

«Наш Никита Сергеевич»

В начале июня 1961 года на экраны вышел документальный фильм Василия Захарченко «Наш Никита Сергеевич», а 17 июня отец стал трижды Героем Социалистического труда. Наградили тогда более пяти тысяч ракетчиков и ракетостроителей, от рабочих до главного конструктора Сергея Королева, от лейтенантов до командующего ракетными войсками маршала Митрофана Неделина. Героями Социалистического Труда стали две, а то и три сотни человек, из высокого начальства Фрол Козлов и Леонид Брежнев, они отвечали в ЦК за оборонное производство, заместитель Председателя Совета Министров оборонщик Дмитрий Устинов, министры Константин Руднев и Валерий Калмыков, президент Академии наук, «теоретик космонавтики» Мстислав Келдыш. Так что награждение отца: за космос, за ракеты, за выбор стратегии наиболее рационального и экономически оправданного обеспечения безопасности страны в этом контексте представлялось вполне логичным и заслуженным. Но общественное мнение руководствуется не логикой, а эмоциями и третью Звезду Героя отца за шесть лет восприняло крайне негативно.

Ему бы следовало отказаться, но не отказался... Теперь, когда многие документы рассекречены, в протоколах заседаний Президиума ЦК можно прочитать, что на самом деле

отец отказывался. В ответ на предложение Козлова о включении его в списки на награждение говорил, «что вряд ли это надо делать. Думаю, что этого делать не следует». Но «товарищи» настаивают, и он «сдается».

К главе государства особый счет. Уж на что я лицо заинтересованное: и сын, и сам ракетчик, и знал, сколько отец сделал, – и то испытал в связи с этим награждением чувство неудобства. Однако отцу ничего не сказал, посчитал, не моего ума дело.

А тут еще этот фильм, тоже честно отражавший происходившее в последние годы: целина, новое жилье, поездки отца по стране и за рубеж, встреча Гагарина, выступления, пресс-конференции. Диву даешься, как в его возрасте он все это выдюжил. Но никто не задумывался о том, что показывали на экране, всех раздражало, что в кадре постоянно мелькает Хрущев. Фильм «Наш Никита Сергеевич» не просто раздражал, он настраивал зрителей против отца. Столь же «провокационными» оказывались и его фотографии, и тексты выступлений, не сходявшие с первых страниц газет. Никого не интересовало, что он говорил, постоянное присутствие в прессе воспринималось не как свидетельство активности работавшего на износ лидера страны, а как возрождение собственного культа на руинах им же поверженного культа личности Сталина.

У меня сохранилась копия того злосчастного фильма. Сегодня он производит совсем другое впечатление. Сделан он интересно, пафосно, державно. И отец в нем теперь видится иным, чем-то напоминает западных политиков, снует по стране, не сторонится ни людей, ни кинокамер, старается во все вникнуть, все понять. В общем, нормальный лидер, не чурящийся рекламы, но без какого-либо культа. Но чтобы так воспринимать прошлое, следовало прожить полвека, а тогда награждение и фильм навредили отцу больше всех его врагов вместе взятых.

8 октября 1961 года умерла моя тетя Ирина Сергеевна. Я ее почему-то звал теткой. А мои старшие сестры, как и все остальные, – фамильярно Аришей.

Она родилась 26 апреля 1897 года. Младшая сестра и брат сильно различались: он – целеустремленный, напористый, сосредоточенный, она – мягкая, певучая, хотя и без голоса, с раннего возраста эдакая «бабушка». Отец сестру любил, но ни о чем серьезном с ней не разговаривал, они мыслили по-разному, обретались в разных измерениях. Отец – человек государственный, а Ирина Сергеевна жила своим домом, семьей, соседями, их проблемами.

Переехав из Калиновки в Москву, она вышла замуж за Авраама Мироновича Кобяка, крепкого и душой, и телом белоруса. Я и сейчас помню его крепкое рукопожатие. Он был старше тетки на одиннадцать лет, родился 2 апреля 1886 года и пережил ее на три года, умер 18 декабря 1964 года. Нажили они двух дочерей – умную и несчастную Ирму, в детстве она переболела менингитом, после чего последовала глухота, и бесталанную, с признаками фанатерии, Рону. Рона выросла здоровой, сильной, безапелляционной, стала учительницей английского языка, чем чрезвычайно гордилась, вышла замуж за военного, со временем дослужившегося до генерала.

Сколько я себя помню, Ирина Сергеевна проводила у нас на квартире или на даче большинство выходных, часто задерживалась на неделю и дольше, постоянно рассказывала что-то назидательное нам, детям, а затем и внукам, давала советы маме, а та безропотно выслушивала ее наставления. Помню, как Ирина Сергеевна настойчиво отговаривала меня от поступления в Энергетический институт: стоящего образования там-де не получишь, сын ее соседей окончил этот институт, а когда она его попросила помочь повесить люстру, все провода скрутил неправильно, свет погас, пробки вышибло, и пришлось вызывать «настоящего» электрика. Воспитанные мамой в уважении к старшим, мы безропотно внимали теткинским разглагольствованиям, но всерьез ее назидания не воспринимали – что она, с ее двухклассным образованием, может посоветовать. Ирина Сергеевна, как и ее старший брат,

училась в деревенской церковно-приходской школе, единственной на всю округу, но, в отличие от брата, после революции продолжить образование и не пыталась.

И мы, и мама поступали по своему разумению. Тетка не обижалась, ей нравилось советовать, а исполнение – дело десятое. Так десятилетиями наши семьи жили в согласии, но каждая – в своем мире.

Одинокая Ирма приезжала с матерью к нам регулярно, мы научились общаться с ней, привыкли к ее резкому, отрывисто-каркающему, как у всех плохо слышащих голосу, она же легко читала речь по движению наших губ. Рона жила своей жизнью. Подруги, наряды, танцы, тут не до старого дядьки, пусть он и глава государства.

После отставки отца Ирма продолжала время от времени навещать отца на даче, а Рону как отрезало. Она посчитала, что теперь ставшие «сомнительными» родственники помешают карьере мужа, да и ее, преподавательницу вуза, скомпрометируют. Со временем даже до нее дошло, что на самом деле ее компрометирует собственное поведение. У такого типа людей самоуспокоение совести происходит необыкновенно быстро. Рона придумала, что всему причиной якобы плохие отношения между моими родителями и Аришей. Насколько она верила своим словам, судить ей самой, но другим она жаловалась беспрестанно. Близкие знакомые посмеивались в ответ, а посторонние сочувственно кивали, подобные размолвки в семьях нередки.

Авраам Миронович заезжал к нам изредка. Он работал заместителем директора по хозяйственным делам на одном из московских авиационных заводов, вечно по голову в делах, а по воскресеньям вкалывал на садовом участке, строил дачку. Денег постоянно не хватало, и отец ссужал им без отдачи когда рублей двести, а когда и пятьсот. Больше они не просили, а сам он считал, что полтысячи – огромная сумма. Авраам Миронович любил поговорить с отцом. Они обычно усаживались, летом на дачной веранде с видом на Москву-реку, зимой – в столовой у негорящего камина (охрана, опасаясь пожара, зажигать его настойчиво не рекомендовала), и Авраам Миронович начинал расспрашивать отца о политике, о текущих делах. Отец обстоятельно отвечал, расставались они неизменно удовлетворенные друг другом.

Ирина Сергеевна умерла на даче в Горках-9, в столовой. Она долгие годы страдала диабетом. В тот день она сидела в уголке дивана, как обычно, разговаривала с мамой, которая занималась каким-то своим делом и слушала Аришу вполуха. Я там же, в столовой, сидя за обеденным столом, читал газету и не слушал их вовсе. Рядом расположился отец со своими бумагами. Вдруг тетка, не договорив фразы, резко замолкла. Я оторвался от чтения, поднял голову и увидел, что она сползает по спинке дивана, на сиденье. Она впала в кому, и пока ехала неотложка, все кончилось.

Тогда на даче у главы государства врачи не дежурили и специальные реанимационные автомобили за ним не следовали. Врач сопровождал его лишь в поездках за границу, а когда отец ездил по стране, врача в свите не было, считалось, что на местах, при необходимости, помогут местные медики.

Меня смерть Ирины Сергеевны напугала насмерть, и через какое-то время я завел разговор, что находишь доктор поблизости... Я боялся за отца, опасался, что и с ним может произойти подобное несчастье. Человек он уже в возрасте. Я не сказал напрямую, что следует установить на даче постоянное дежурство врача, но отец меня понял и продолжать не позволил, ответил, что Ирине Сергеевне никакой врач бы не помог, держать же докторов под боком у здорового человека – глупость, Москва не за горами, Барвиха, правительственный санаторий вообще рядом, случись что, приедут через полчаса. Я с ним не согласился, но моего согласия и не спрашивали. Позже я еще раз попытался заговорить на «медицинскую» тему и снова безрезультатно, отец необычно резко оборвал меня, посоветовав заниматься своими делами. Я склонял на свою сторону начальника охраны Литовченко, но он

С. Н. Хрущев. «Никита Хрущев. Реформатор»

только руками разводил – все зависит от «охраняемого», без его приказа никто и пальцем не пошевелит. Правда, какой-то эффект мои слова все же возымели, через некоторое время в дальних поездках по стране отца начал сопровождать его лечащий врач, доктор Владимир Григорьевич Беззубик.